

Цзи Жань с опозданием осознал происходящее и тут же покраснел до корней волос, совершенно упустив из виду, что мазь была не куплена, а просто оказалась под рукой. Пылая от стыда, он смотрел, как Лу Чжэнь откручивает крышку и зачерпывает пальцем густую коричневую пасту. Внезапно вспомнив, что они вроде как в ссоре, Цзи Жань резко отвернулся, надулся и принялся ворчать.

— Не нужна мне твоя фальшивая забота, я сам, э-э...

Не успев договорить, он вздрогнул от неожиданного прикосновения мази. Поясницу и ягодицы пронзила судорога, а ощущение оказалось странным — наполовину болезненным, наполовину щекотным. От того, как палец втирал и размазывал мазь, стало возникать нечто большее. Уткнувшись лицом в подушку, Цзи Жань готов был провалиться сквозь землю. Неужели он действительно способен возбудиться от одного пальца? Неужели в нём и вправду скрыт потенциал мазохиста?

— Готово, — произнёс Лу Чжэнь, не заметивший странной реакции Цзи Жана. Он нежно и медленно закончил наносить мазь и легонько шлёпнул его по мягкому месту. — Спи на животе, так будет лучше, чем на спине.

Твою ж мать! Этот мерзавец — не только пальцем тычет, но ещё и шлёпает...

В душе Цзи Жана раздалось громкое «Вау!», а его тело вновь непроизвольно дёрнулось. Лу Чжэнь заметил эту содрогающуюся дугу, его взгляд стал тяжёлым, а в глубине глаз будто вспыхнули два огонька, жарких и почти осязаемых.

Цзи Жань медленно распластался на животе, но, прождав какое-то время, так и не дождался, чтобы его накрыли. Только собравшись поинтересоваться, в чём дело, он обернулся, встретился взглядом с Лу Чжэнем и чуть не умер от страха.

— Что это у тебя за взгляд, чёрт возьми? Я ещё не оправился от травм, а ты уже задумал какую-то пакость? Попробуй только тронуть — найму даоса, чтобы изгнал тебя, нечисть!

Цзи Жань изо всех сил старался выглядеть грозно, но Лу Чжэнь лишь рассмеялся, погладил его по голове и разрушил весь эффект. Вместо свирепости получилось глуповато-мило, хотя сам Цзи Жань этого не осознавал.

Лу Чжэнь, посмеявшись, натянул на него простыню.

— Спи.

С этими словами он лёг рядом, а затем, подумав, обнял Цзи Жана вместе с простыней.

— В ближайшие дни ты будешь слабоват. Потом поешь побольше бульонов, укрепляющих почки и питающих изначальную ци — так быстрее восстановишься.

Услышав это, Цзи Жань сначала вспыхнул от стыда и гнева, но, не успев разразиться, вдруг замер. Раньше он не замечал, но теперь, после слов Лу Чжэня, явственно почувствовал: помимо естественной слабости и боли, его одолевал какой-то особенный озноб.

Да, именно так.

Сначала он думал, что это из-за ночной прохлады, но, видимо, дело было не в ней.

Лето в самом разгаре, с каждым днём становится всё жарче. Даже если ночью температура падает, в норме до укрывания одеялом дело не доходит — даже тонкой простынёй. Сейчас ведь такой сезон, когда и в одежде спать потно! Даже если рядом лежит Лу Чжэнь, этакая человеческая глыба льда, должно быть в самый раз — прохладно и комфортно!

Но что же с ним сейчас? Закутался в простыню, а холод пробирает до костей, да ещё и объятия Лу Чжэня только усиливают этот холод. А он-то дурак думал, что это ночное похолодание. Оказывается, чёрт побери, вовсе нет!

Укреплять почки и питать изначальную ци...

Неужели его... довели до истощения почек?

Цзи Жаню стало совсем не по себе.

Хорошо хоть, что хоть и холодно, но погода тёплая, так что до дрожи не доходит.

Поэтому Цзи Жань не стал прогонять Лу Чжэня, позволив тому обнимать себя.

Мозг его лихорадочно работал, и в конце концов он не выдержал и спросил:

— С тобой теперь всё в порядке?

— Угу, — Лу Чжэнь крепче обнял его. — К счастью, ты есть.

Цзи Жань не придал этим словам особого значения, решив, что Лу Чжэнь просто благодарен за то, что он тогда выбросил вещи и быстро утащил его. Но всё же обидно: из-за этого типа он так разозлился, а тот взял и в приступе безумия чуть не сделал его полным инвалидом. Это же просто... чёрт знает что!

— Ты был в таком состоянии, а у тебя ещё и силы нашлись на это? Неужели ты думал: даже если душа разлетится, надо успеть в последний момент как следует меня отодрать? Боже, Лу Чжэнь, ты такой похабник — уверен, что тебя зарубили, а не ты сам загнулся от распутства? — вспоминая ту одностороннюю бурную оргию, Цзи Жань до сих пор содрогался.

Однако на эту шутовскую колкость Лу Чжэнь отреагировал неожиданно резко. Рука, обнимавшая Цзи Жаня за талию, вдруг сжалась, заставив его аж «эк» выдохнуть от боли.

— А-а-а! Лу Чжэнь, ты что, мужа своего задумал прикончить?! — Цзи Жаня чуть не вывернуло от этой хватки, и он рявкнул от злости.

— Прости, — Лу Чжэнь тут же ослабил объятия и забеспокоился, начав массировать Цзи Жаню поясницу. Спустя некоторое время он вздохнул. — Цзи-гэ, я тогда... не хотел тебя ранить. Я... у меня действительно не было выбора.

— А? — Цзи Жань ничего не понял. — Что ты имеешь в виду?

В ответ Лу Чжэнь принялся страстно и нежно покрывать поцелуями его шею и спину.

Холодные губы то и дело касались затылка и плеч, отчего Цзи Жань вздрагивал и покрывался мурашками, но при этом испытывал невыразимое щекочущее удовольствие.

— Ты... ты ещё не ответил мне. Что... что ты имел в виду? — несмотря на то, что его «хризантема» была в плачевном состоянии, Цзи Жань не мог устоять перед таким соблазном,

его сердце замирало, а дыхание сбивалось.

Лу Чжэнь перестал целовать, но лишь крепче обнял Цзи Жаня и молчал.

В затянувшейся тишине в душе Цзи Жаня неожиданно зародилось смутное предчувствие — та самая шестое чувство.

— Лу Чжэнь, твоё безумие тогда... было вызвано какой-то необходимостью? — как только эта мысль возникла, она становилась всё настойчивее, и Цзи Жань не выдержал, задал вопрос.

В тот миг, когда он произнёс эти слова, хотя у призраков и нет дыхания, Цзи Жань явственно почувствовал, как Лу Чжэнь напрягся.

Значит, он угадал?

Но в чём же причина?

Сердце Цзи Жаня невольно забилося чаще; он и сам не мог сказать, чего было больше — ожидания или тревоги.

Лу Чжэнь по-прежнему молчал. Цзи Жань уже почти отчаялся получить ответ, как тот вдруг заговорил:

— Мне тогда... срочно понадобилась янская ци, поэтому я...

— Ты забрал мою янскую ци?! — Цзи Жань в изумлении распахнул глаза. В темноте его выражение лица было не разобрать, но в голосе явно звучало недоверие.

— Прости. — Хотя эти три слова были пусты и бессильны, Лу Чжэнь мог сказать лишь их. — Я пал от руки сюннуского воина, от его сабли По. Эта сабля печально известна — те, кто погибает от её лезвия, не только истекают кровью, но и их души рассеиваются. К счастью, моя судьба была тяжёлой, я с детства был одинок, а в юности мне посчастливилось встретить одного культиватора, который случайно привёл меня на путь культивации. Благодаря этому я едва сумел сохранить остатки сознания, и моя душа не рассеялась. Но моё призрачное тело слабо, и даже если я пойду путём призрачного культиватора, до достижения большого успеха я всё ещё в любой момент могу истощить истинную ци и исчезнуть. Поэтому мне был нужен посмертный брак. Причём партнёр должен был не только подходить по восьми иероглифам, но и быть мужчиной с достаточной янской ци.

Раз уж начал, говорить дальше стало легче. Лу Чжэнь продолжил:

— Когда император был ещё принцем, я по счастливой случайности заслужил его благосклонность и удостоился чести стать его названным братом. Сначала я был главой его тайной стражи, а позже закономерно был повышен до вооружённого мечом телохранителя императора. Когда напали сюнну, я сопровождал императора в походе и погиб, защищая его. Император — человек глубоких чувств и долга, он всегда помнил обо мне. Тогда я явился ему во сне, и так появился наш брак.

Эти слова, хоть и шокировали, но в то же время разрешили сомнения, долго терзавшие Цзи Жаня. Он-то думал, что император спятил, раз пожаловал своему верному слуге, пожертвовавшему жизнью, мужскую супругу. Оказывается, причина была в этом. Но роль этой «мужней жены» была весьма своеобразной. Чувствовалось, что она похожа на баллон для подкачки, который всегда под рукой. Если использовать интернет-мем, то чёрт побери, это же

просто печь для плавки!

Чёрт! Просто хоть вешайся!

Но злиться?

У Цзи Жаня, похоже, и правда не было на это оснований.

Если бы он, переселенец, не занял тело настоящего хозяина, тот либо бы умер, либо пошёл бы по его, Цзи Жаня, пути — заключил бы посмертный брак с Лу Чжэнем. Так или иначе, эта жизнь была им украдена. Сам он появился здесь нечестным путём, так по какому праву он может злиться и обвинять?

Но на душе было паршиво, и что с этим делать?

Пусть тело не его, но чувства-то его собственные! Да, они с Лу Чжэнем были вместе недолго, между ними не было бурных, запутанных, изматывающих душу отношений. Но была тихая, спокойная, естественная привязанность, текущая как ручей. Назовёшь ли её зависимостью одинокого человека в чужом мире или чувствами, возникшими от трения при «этом» — так или иначе, сейчас Лу Чжэнь был для Цзи Жаня незаменимым существом.

<http://bllate.org/book/16271/1464420>